

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Разработка серийного оформления *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Вячеслава Остапенко*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Варан / Марина и Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-110929-5

Юный Варан родился в странном мире. Он сам — поддонок, простолюдин, который живёт в нижней, предгорной части родного острова. Его отец — винтовой, управляющийся со специальной корзиной, которая позволяет доставлять людей и припасы в горную часть острова, где живут аристократы. Наш герой так бы и остался простолюдином, который бы перенял отцовский труд. Но, по счастью или несчастью, на его жизненном пути встретился Императорский маг, полностью перевернувший его представление о мире. Жить как раньше становится невозможно. Ведь есть один загадочный человек, которого одновременно видели многие и никто... Именно он может пролить свет на мироздание. Но как же его отыскать?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110929-5

© Дяченко М., Дяченко С., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Франта привезли на почтовой лодке. Среди мешков и ящичков старого Макея пассажир выглядел нелепо — смешной коротенький плащ поверх щегольского светлого костюма, над головой перепончатая штука, очень похожая на зонтик (когда лодка подошла ближе, Варан убедился, что это зонтик и есть, только не от солнца, а от дождя. С такими игрушками ходят только верхние: приемщик с горной пристани, например, в межсезонье смешит весь поселок своим клетчатым зонтом с кружевами).

Было тихое серое утро. Ударяясь о воду, каждая капля дождя подпрыгивала звонким столбиком, будто желая вернуться в небо, и оттого море казалось ворсистым. Широкая, почти квадратная плоскодонка шлепала по морю лопастями бортовых колес. Старый Макей вертел педали; пыхтение и покрякивание почтаря разлеталось далеко над водой. Пассажир празднично сидел на корме.

— По-очта! — торжественно прокричал Макей, хотя никого, кроме Варана, на пристани не было. — Добрые люди, примите поклон от близких ваших и далеких, за добрые новости благословите Императора, за дурные прокляните Шуу! По-очта!

Голос у старика был не то чтобы приятный, но раскати-стый. Варан заметил, как чужак под зонтиком морщится,

явно борясь с желанием заткнуть уши. Еще подумает, что Макей напоказ горло дерет!

Варан вдруг обиделся за старого почтаря. Макей никому не кланялся, но уважал однажды заведенный порядок и бороду расчесывал надвое даже тогда, когда приходилось неделями болтаться в открытом море. Не окажись в округе ни души, Макей все равно прокричал бы уставное приветствие почтового цеха, только не станешь ведь объяснять это молодому франту, развалившемуся на корме со снисходительной ухмылочкой...

Лодка причалила.

— Привет, дядь Макей.

— Привет, Варашка. Это самое, кхе...

Ненатурально закашлявшись, Макей обернулся к пассажиру:

— Прибыли, это, ваша милость.

Милость сложила зонтик, кисло улыбнулась и, балансируя в шаткой плоскодонке, поднялась на ноги.

Милости было на вид лет восемнадцать. Бесцветные мягкие волосы, невероятно длинные — до плеч, наверное, — торчали из-под низко надвинутого капюшона. Тонкие губы по цвету не отличались от бледных щек; самым ярким пятном на лице прищельца был нос — ярко-красный, распухший от насморка, с нервно трепещущими ноздрями.

— Гости к вам, — Макей покосился на Варана. — Вернее, не гости, а... это, *горни*.

Почтарь испытывал, по-видимому, затруднения. Пассажир его был одет и снаряжен как важная особа, но выглядел как простуженный соплик и держался без подобающего достоинства — вот выбрался на каменный причал, не дожидаясь, пока сбросят трап... Опять же, если ты в самом деле горни — почему не путешествуешь *верхами*?

Оказавшись на суше, чужак первым делом поскользнулся и чуть не упал:

— Ой... Добрый день, уважаемый. Я к вам с поручением от Императора.

Сказано было просто и буднично.

— Ко *мне*? — поперхнулся Варан.

— К вашему князю, — пришелец снова поскользнулся на ровном месте, неуклюже взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. — Туда, — и неопределенно ткнул пальцем в перепончатую изнанку своего зонтика.

Макей бросил на причал два пузыря с почтой — для поселковых и для верхних. Махнул Варану рукой: я, мол, свое дело сделал. Сел на педали, резко крутанул назад, так что вода у пристани закипела. Лодка отошла от берега, оставляя явственно различимый след на воде.

— Мне, наверное, следует предъявить верительные грамоты? — спросил чужак и неуверенно чихнул.

Лодка Макея медленно уходила за мыс — к рудокопам, на Малышку. Варан закинул на плечи оба пузыря; мешки были легкие, накануне сезона у людей поважнее занятия, чем на ракушке ножичком корябать, однако Варан согнулся под ношей и с натугой засопел: пусть пришелец видит, что ему тяжело. Что у него заняты обе руки. И что нести деревянный сундучок, сиротливо стоящий посреди причала, кроме владельца, — некому.

Чужак, помедлив, взял сундучок за кожаную ручку. Поднял легко; да он пустой, подумал Варан почему-то с раздражением. Для виду таскает с собой господский деревянный сундучок, только чтобы за важную птицу его держали. Или продать собирается. Или вообще украл где-то. А вся его болтовня насчет поручения от Императора — вранье, хуже того — поклеп и ересь...

— Может, мне все-таки предъявить грамоты? — настойчивее спросил чужак.

— Идемте, горни, — сказал Варан. — Кому надо — предъявите.

И, не оглядываясь, привычно прыгая с камня на камень, двинулся к берегу. Мешки с почтой тихонько звякали и покалывали спину.

Чужак отстал. На тропинке под козырьком Варану пришлось дожидаться его, сгрузив пузыри наземь. Господинчик не раз и не два оступился, провалившись по колено в воду; зонтик он наконец-то закрыл и спрятал под мышку. Дошло наконец-то: рыбке зонтик не нужен... А может, просто сил не хватило мучиться с сундучком и зонтиком одновременно.

Варан ждал соплей и проклятий и немало удивился, разглядев на лице господинчика улыбку. Соплей, правда, тоже хватало: пришелец бесконечно чихал, вытирая нос раскисшим кружевным платочком.

— Мокро у вас, — весело сказал пришелец. — Небось сезона ждете?

— А то...

— А где народ? Безлюдно как-то, на пристани ни человечка и на берегу...

Варан хотел сказать, что поскольку милость не предупредила о визите заранее, то и трубачей с волынщиками пригласить забыли. Но придержал язык. Мало ли.

— Донные сеют... Ковчег латают... Сами же говорите, сезона ждем, вот и сытухи вчера от берега откочевали, а стало быть, скоро забулькает...

Почему я так много говорю, подумал Варан с неудовольствием. Кто я ему — староста, отчет держать? А кстати, еще вопрос, на месте ли староста, не уперся ли с утра по-

раньше сетки на своем поле класть... Отец говорил — все лучшие сетки себе забрал, скотина.

— Это... хорошо, — сказал господинчик. Слышно было, что он запыхался.

— Что хорошего-то? — не очень почтительно отозвался Варан; сейчас они шли по сухой террасе под каменным козырьком, Варан впереди, приезжий — сзади. Терраса вилась по краю скалы, по спирали, все выше. Мешки кололи спину: что же они, паразиты, ничего мяконького в пузырь не подложили?!

— Хорошо... что сезон... так скоро, — сказал невидимый за спиной господинчик. — Не представляю... как вы тут и живете...

Варан соорудил дикую рожу, за которую не раз перепадало на грибочки от отца. Но сейчас все равно ведь никто не видит.

— Хорошо живем... Репс жуем, рыбу жрем. Безделушки клеим из ракушек... Сезон вспоминаем. До следующего сезона.

— Помедленнее, — сказал приезжий. — Дышать тяжело.

А ведь он точно потомственный горни, подумал Варан. Тут не притворишься. И родился, видать, наверху... Потому и мокро у нас, и плохо, и дышать, вишь, нечем.

— Скоро прибудем, — пообещал, смягчившись. — Вон, дымки показались...

Поселок издалека казался присевшим на землю облаком. Стелился по земле дым, и поднимался пар над плоскими каменными крышами. Волоча за собой, как хвост, слабеющего господинчика, Варан двинул прямо к дому старосты.

— Карп, а Карп! Почта пришла, и дело еще есть...

— Почту положи под дверь, а дело подождет, — отозвался сиплый голос. — Дверь не открывай, слышь: сухо у меня. Потом дело.

Но прежде чем Варан успел что-то сказать в ответ, приезжий отодвинул его с дороги и толкнул просмоленную дверь.

— Я сказал — не открывать! — рявкнул староста. — Ну, ты у меня получишь, дрянь такая!

Варан не нашел ничего лучшего, как шагнуть внутрь вслед за чужаком.

У старосты и вправду было сухо. С потолка свисали набухшие соляные мешочки — из тех, что вытягивают пар из воздуха, как губка — воду. Пол был покрыт хрустящим слоем розовой и голубой соли; сам Карп, в домашней тканой одежде, сидел перед очагом со вкусной миской на коленях. Не рыба, насколько смог разглядеть Варан. И не репс.

Сглотнул слюну.

— Прошу прощения, — сказал господинчик, выпрямляясь и делаясь похожим на настоящего господина. — Я прибыл на Крутлый Клык с Императорским поручением для вашего князя... Готов предъявить верительные грамоты.

Карп, надо отдать ему должное, не поперхнулся овощным рагу (а в миске было именно рагу!). Смерив взглядом чужака, мельком глянув на Варана (тот догадался плотно закрыть дверь за пришельцем), староста осторожно поставил миску на низкий каменный столик. Наклонил голову, сделавшись удивительно похожим на рыбу-горбунью:

— Извольте.

Варан переступил с ноги на ногу. Соль под сапогами хрустнула басовито, влажно, недовольно, но это еще что: вокруг мокрых башмаков пришельца драгоценный

соляной ковер не только напитался, но начал подтаивать.

Чужак наклонился над своим сундучком (резной сундук из цельного дерева! Варан видел, каким взглядом староста зыркнул на вещичку: кто-кто, а Карп в таких делах разбирается). Откинул крышку; сундук не был пустым, как подозревалось Варану. Он был набит тонкими свитками бумаги. Сухими хрустящими свитками, так что легкое содержимое сундука было, пожалуй, дороже оболочки...

И как его только по дороге не ограбили, удивился Варан.

— Мои документы...

Чужак развернул что-то на ладони.

Варан отпрыгнул. Над раскрытым бумажным листом разгорелось радужное сияние; с легким потрескиванием запрыгали искорки. Староста выпучил глаза, неосознанным жестом приложил два пальца к губам, отгоняя Шу и ее приспешников.

— Изучите внимательно, — сказал пришелец, и Варану померещилась в его голосе издевка. Как же, ткнул провинциальных крыс носом в настоящую Императорскую печать...

Староста, к чести его, взял себя в руки почти сразу.

Не торопясь, поднялся; отвесил официальный поклон — не выше, но и не ниже, чем следует. Вытянул шею, изучая документ внимательнее; важно кивнул:

— Добро пожаловать на Круглый Клык, горни Лереала...ру...руун. Какого рода услуги вы желали бы получить, э-э, от местных властей?

Варан приподнялся на цыпочки. Разглядел на бумаге играющее всеми красками поле, на нем — выпуклое, будто живое, лицо чужака-горни — без капюшона, с сухими

волосами и не разбухшим, здоровым носом, загорелое и строгое до суровости. Буквы не успел прочитать.

— Только одну услугу, — чужак со смешным длинным именем сложил бумагу, погасив тем самым сияние. — Доставьте меня наверх без промедления. Желательно прямо сейчас.

— А-а, — староста кашлянул, прочищая сиплое горло. — Э-э, горни... Не знаю, есть ли сегодня транспорт... Ты! — Он резко обернулся к Варану. — Батя сегодня воду отправляет?

— Вчера отправлял, — буркнул Варан, не желая, впрочем, открыто дерзить. — А сегодня у него винт недовернут.

— Пускай довернет винт, — ласково сказал староста. — Видишь — горни спешит, неохота горни с нами, селедками, мокнуть... Значит, беги к батю, пусть наворачивает винт и пусть отправляет горни. Печать Императора — ему что, жить надоело?!

Варан чуть не задохнулся от возмущения. Так вот, играючи, спихнуть заботу с собственной спины на чужую да еще Императора приплести, Шуу тебя отрыгни...

— Да как... вчера же летали... а пружина — ее же заводить надо... что же гонять полузаведенный... А вдруг не долетит, свалится, что тогда?

— Бате, стало быть, приказ Императора и не приказ вовсе? — ласково осведомился староста.

Варан беспомощно глянул на пришельца-горни.

Тот стоял в лужице оплывающей соли, капюшон откинут на спину, волосы, и в самом деле длиной почти до плеч, прилипли к голове. В опущенной руке — верительная грамота с радугой внутри.

— Такой у нас народ, — со вздохом заключил староста. — Ленивый народ и хитрый, что твоя ухвертка, как для своего поля — из кожи вон, а как для общины или

вот для государства — тут вам тысяча причин, стонадцать отговорок — и то, и это... Загор-одноглазый, этого вот тунейдца родитель, у нас подъемником ведает. Я вам, горни, записочку-то напишу — пусть выдадут вам поесть, попить теплого, одежду сухую, а то вы в поддонье, вижу, несчастый гость... — Староста мягко хихикнул. Пошарил рукой в нише стола, вытащил большую тусклую раковину, вынул из-за уха стило, послюнил зачем-то, начал царапать. Звук получался едва слышный, но донельзя мерзкий.

Варан проглотил горькую слюну. Бесполезно спорить, этот жирный сом всегда побеждает, сетка лучшая — ему, овощное рагу в миске — ему, тунейдцем обозвать, сопляком, мерзавцем — всегда пожалуйста, и не смей в ответ посмотреть косо...

— Чего зыркаешь? — Кажется, староста ощутил его взгляд склоненной макушкой. — Позыркай мне... Вот для отца записка. Что указано — все исполнить, из общины потом возместим... Ну-ка пшел. Шкурой за горни ответите, и ты, и отец... Пшел!

И поклон этому Лереала... как его там. На этот раз низкий поклон, подчеркнуто почтительный. Распахнутая дверь, клубы пара... Варан едва успел увернуться, чтобы не получить пинок под зад.

Это счастье Карпу, что Варан увернулся. Потом, конечно, кисло пришлось бы... Но домашнюю тканую рубаху старосте долго отмывать пришлось бы... от крови из разбитого носа...

— А ты злой, — сказал горни и снова чихнул. — Глазами искры высекаешь... Сундучок-то возьми.

Варан — некуда деваться — взялся за кожаную ручку деревянного вместилища сокровищ. Оказалось, что сундук не так легок, как думалось прежде; на самом деле он

был тяжелее обоих мешков с почтой, мокнущих здесь же, под крыльцом.

— Куда идем? — поинтересовался сопливый горни.

Чтобы тебе у Шуу в заднице застрять, молча пожелал ему Варан. И так же молча кивнул, указывая направление.

* * *

Три сезона назад, когда Варану было четырнадцать лет, он чуть не ушел с плотогонами.

Они являлись обычно в первый месяц осени, когда любой голодренец в поддонье богат, как король, когда всем срочно требуются новые косяки для дверей, новые лодки, снасти, смола, древесина. Обычно их замечали на горизонте за день до прибытия — в центре колоссально-го плота возвышалось колесо с бегущими в нем людьми, огромные лопасти поднимались и опускались, вспенивая воду, но плот продвигался, как пьяная черепаха, — так был тяжел, многослоен, высился над водой и глубоко уходил под воду, и вся его чудовищная масса была — древесина из дальних стран, белая и желтая, твердая и мягкая, почти неподвластная гнили, душистая, свежая древесина.

Был бы в межсезонье ветер — ставили бы, наверное, парус. Но сезон прошел, и с ним улеглись ветры, и легкие игрушки богатых горни — лодки под цветными парусами — нашли пристанище где-то в пещерах верхнего мира... Плотогоны двигались неторопливо и торговались основательно, все были кряжистые, с белыми или желтыми лицами, с бородавками-сучками, будто наспех вытесанные из дерева. У каждого за поясом имелся кривой кинжал, а кое у кого — меч или арбалет за спиной: плотогону есть что терять. Они ходят по морям верхом на куче денег — неудивительно, что охотников за плотами куда больше, чем лесорубов. Каждому охота оседлать чу-

жой плот — и плестись черепашым шагом от острова к острову, покуда плот не растает, а кошелек — не раздуется, словно пузырь...

Иногда дерево, выставленное на продажу, бывало полито кровью. Суеверные не хотели брать; плотогоны скалились: не надо. Другие возьмут. Что тебе эта ржавчина: высохнет и осыплется, в огне сгорит — не заметишь, дождем смоем — и не станет ее...

А однажды у Круглого Клыка встал на торги огромный плот с измененными хозяевами. Толпа головорезов, один другого страшнее, среди них и опустившиеся горни, и поддонки, и белые, как лед, чужестранцы — жутколицы, в шрамах. Чистого дерева в связках почти не осталось — а плотогонов не осталось никого, известно, что они в плен не сдаются. Ничего хорошего в плену их не ждет.

В первый день поселок, потрясенный, не вышел на торги. Выставили стражу, зарядили единственную пушку, послали наверх, князю, мольбу о защите. Ответ пришел незамедлительно: выяснить досконально намерения торговцев. Если они в самом деле древесину продают — зачем крик поднимать? Гарнизон на верхушке маленький, а Императора тревожить, патруль вызывать — так готовы ли поддонки по чести ответить, если вызов окажется ложным?

Начались сомнения. Кто-то кричал — кровавую древесину не берите! Ничего хорошего она вам не принесет. Убийцам свои деньги отдадите — будете с ними в стоворе, мертвые плотогоны не простят, да и бессовестно это, люди, подумайте...

Отец Варана стоял посреди квадратной поселковой площади, стоял неподвижно, уперши руки в бока, а вокруг него прыгал, надрывался сосед Соля: